

Two large, dark gray, stylized brackets are positioned on either side of the text, framing it. The left bracket is on the left side, and the right bracket is on the right side. They are both oriented vertically, with the top ends pointing outwards and the bottom ends pointing inwards towards the text.

Бесконечная вселенная
Бернара Вербера

Читайте другие книги
Бернара Вербера:

Трилогия «Муравьи»

Муравьи
День муравья
Революция муравьев

Трилогия «Авантюристы науки»

Отец наших отцов
Последний секрет
Смех Циклопа

Дилогия «Танатонавты»

Танатонавты
Империя ангелов

Трилогия «О кошках»

Завтрашний день кошки
Ее величество кошка
Планета кошек

Бернар Вербер

Ход королевой

Москва

2024

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
В31

Bernard Werber
LA DIAGONALE DES REINES

Copyright © Éditions Albin Michel et Bernard Werber — Paris 2022
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

Вербер, Бернар.

В31 Ход королевой / Бернар Вербер ; [перевод с французского А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-187820-7

Две женщины, две судьбы, два противоположных мировоззрения. Их дуэль неизбежна. Николь О'Коннор и Моника Макинтайр будут беспощадно сражаться друг с другом. Их игровое поле простирается по всем уголкам планеты, превратившись в гигантскую шахматную доску, фигуры на которой — обычные люди.

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-187820-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Венсану Багяну — другу,
мыслителю-новатору, писателю, композитору,
переводчику и моему лучшему партнеру
по шахматам во множестве жизней*

У каждого человека есть дубликат — Немезида.

Это не родственная, а окаянная душа. При случайной встрече они немедленно друг друга узнают и принимаются беспрестанно друг другу пакостить. Это неотъемлемая часть их жизненного пути. Ведь в подсознании у них сидит уверенность, что только в этой борьбе они поймут, кто они такие на самом деле. Так наш лучший учитель может оказаться нашим худшим врагом.

*Эдмонд Уэллс.
Энциклопедия относительного
и абсолютного знания*

Часть 1

ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ ЗЛЮКИ

1

— В конечном счете в жизни ты всегда одинока. Уж я-то это знаю, чувствую, понимаю. Поэтому надо бороться за то, чтобы вокруг тебя всегда были другие люди. Ты согласна со мной?

Николь О'Коннор прижимается лицом к решетке клетки с белой мышкой.

— Мне нравится представлять, что тебе тоже хочется завести друзей, возлюбленных, товарищей по играм, они придадут твоему существованию больше смысла...

Бирюзовые глазищи одиннадцатилетней девочки смотрят в красные глазенки пугливого грызуна.

— Не говоря о том, что ты, как и я, оказалась далеко от своих сородичей и не можешь с ними общаться.

Она корчит разочарованную рожицу.

— Преподаватель естественных наук запер меня в классе одну в наказание за то, что я не захотела тебя убивать.

Мышь наострила ушки, кончик ее мордочки трепещет — она нюхает завораживающую ее массу розовой плоти.

Человеческое существо подходит еще ближе и спокойно объясняет ситуацию мыши, словно та способна понять слова:

— Раскрою тебе правду: я должна была вскрыть скальпелем твое тельце и заглянуть внутрь. Это называется

«опыты по вивисекции». По мне, никакая это не наука, а ужас-ужас, убийство ни в чем не повинного существа. Получается, тебя произвели на свет для того, чтобы без всякой пользы принести в жертву...

Она встряхивает светлыми волосами, у мыши это вызывает еще больше интереса.

— Я отказалась от этого варварства, и учитель не нашел ничего лучшего, чем запереть меня на переменке в пустом классе, чтобы я «поразмыслила» о своей «глупости». Кажется, я уже все обдумала.

Она тяжело вздыхает.

— Я осознала свою «глупость» и ощутила еще больше близости к вам, «глупышкам».

Девочка отодвигает щеколду, приоткрывает дверцу клетки и выпускает мышь на волю. Та шмыгает по классу, обследует все углы, потом направляется к большой клетке, в которой кишат мыши.

— Хочешь к своим подружкам?

Николь О'Коннор открывает дверцу клетки, где заперта целая стая белых пленниц.

Грызуны счастливы обрести свободу.

Этим белокурая девочка не ограничивается. При помощи тонкой линейки она отжимает язычок замка в двери класса, где должна была сидеть взаперти. Путь свободен. Мыши выбегают из класса. По зданию школы-интерната Джеймса Кука в Мельбурне разбегаются шестьсот сорок мышей.

До Николь уже доносится истошный девчачий визг, вскоре ему начинают вторить чуть менее истошные вопли мальчишек.

Николь с улыбкой размышляет: *«В силу своей численности эти зверюшки могут вызывать страх у куда более крупных, тяжелых, могущественных созданий».*

Она восхищена хаосом, который создала. Грызуны носятся повсюду, вкусив, наконец, свободы, которой были

лишены с рождения. Они охвачены эйфорией, люди — паникой.

Одни ученики залезают с ногами на стулья, другие кричат и пытаются — без особого успеха — давить мышей каблуками.

Проще убивать животных, сидящих в клетке, чем бегающих на свободе, верно?

Шестьсот сорок освобожденных грызунов, естественно, сбиваются в плотную стаю и сеют в коридорах ужас среди гигантов, хотя видят только их обувь и ноги.

Учителя тоже удивлены и напуганы. Уборщики носят с вениками, пытаясь сдержать расползание докучливого явления, но белые мыши слишком малы и шустры, чтобы их ранить, тем более отлавливать.

Николь О'Коннор как ни в чем не бывало покидает класс и идет по следу «своей» мышинной стаи. Ей становится ясно, что ученики и учителя вокруг нее догадываются, что это она устроила весь переполох, и теперь относятся к ней с уважением.

Зря учитель запер меня одну. Я ведь его предупредила, что НЕ ВЫНОШУ одиночества.

2

Нет, я не могу не вмешаться.

В тот же самый день, в 1600 километрах от Мельбурна, в коридоре школы в Нью-Йорке другая девочка, тоже одиннадцати лет, по имени Моника Макинтайр, пристально наблюдает за сценкой, от которой ей делается нехорошо.

Ватага из пяти ребят, трех девчонок и двух мальчишек, пинает ногами лежащую на полу заплаканную, стонущую от боли девочку и как будто наслаждается своим занятием.

— Мерзкая лесбиянка! Все видели, как ты целовалась с девчонкой! Вот тебе, получай!

Моника Макинтайр незнакома с жертвой, но ей невыносимо наблюдать это истязание. Недолго думая, она хватается огнетушитель и обдает пятерых школьников пеной, метя им в глаза. Те от неожиданности отскакивают от своей жертвы и, покрытые с головы до ног углекислым снегом, наступают на Моника, как зомби, но та выпускает новую струю пены, чтобы держать их на удалении. Один из мальчишек стирает с лица белый снег и кидается на нее, выставив перед собой руки. Моника вынуждена нанести ему огнетушителем удар в пах. Он с воплем падает на пол и корчится от боли, схватившись за низ живота.

Отовсюду сбегаются школьники. Их взорам предстает удивительная картина: четверо в углекислом снегу, пятый валяется на полу, растрепанная девочка утирает слезы.

Тут как тут учитель физкультуры, он наклоняется к пострадавшему пареньку, издающему глухие стоны, и помогает ему восстановить дыхание.

Моника Макинтайр, стоящая в двух шагах от них, не испытывает ни малейшего сострадания к мучениям пострадавшего.

— Ты что, с ума сошла? — кричит учитель.

Длинноволосая брюнетка с большими глазами, в зрачках которых учитель отражается, как в двух зеркалах, спокойно выдерживает его взгляд.

Не надо никаких объяснений, этот взрослый мнит себя всезнайкой, я для него безмозглая малютка — думает она.

Толпа любопытных разрастается, и Моника удаляется, не вынеся криков и жестикуляции сверстников.

Возбуждение моих соплеменников, как всегда, смехотворно и невыносимо.

Моника запирается в туалетной кабинке, садится на крышку унитаза и мысленно расставляет точки над *i*.

Пусть беснуются без меня. Лучше я спокойно побуду в одиночестве. НЕ ВЫНОШУ всех этих болванов.

— Что на тебя нашло?

После эпизода с освобождением шестисот сорока мышей Николь О'Коннор отчислили из мельбурнской школы-интерната Джеймса Кука. Она вернулась к отцу, в Новый Южный Уэльс, в прибрежное ранчо близ Питерборо. Ранчо носит название ROC, по инициалам владельца, Руперта О'Коннора.

Отец и дочь сидят во внутреннем дворике. Николь нравится ранчо. Справа от нее раскинулась бескрайняя равнина, слева высится холм, впереди утес, за ним океан.

— Учитель запер меня одну в классе... — объясняет девочка.

Отец читает письмо директора школы-интерната.

— Верно, в наказание за твой отказ проводить опыты по биологии.

— От меня требовали замучить мышь, — говорит Николь. — В любом случае я не выношу одиночества.

— Надо же! Почему это?

— Когда мной никто не интересуется, у меня возникает впечатление, что я... что меня вообще не существует.

Отец приподнимает бровь.

— Как это «не существует»?

Громко, отчетливо произнося каждый звук, девочка чеканит:

— Я НЕ ВЫНОШУ ОДИНОЧЕСТВА.

Она содрогается от одного воспоминания о том, что испытала в то короткое мгновение, когда осталась одна.

— Никогда-никогда не хочу снова пережить этот кошмар — остаться одной в комнате, где на меня некому смотреть. Мне нужны чужие взгляды, нужен запах других людей, нужно все время находиться среди них.

— Где тут связь с мышами?

— У той зверюшки был такой вид, словно она переживала то же самое, что и я. Я ее освободила, устранила неудобство и для нее, и для себя. Мы обе возобновили нормальное существование, воссоединившись со своими сородичами.

Руперт качает головой — дает понять, что не прочь выслушать аргументы.

— Желание быть с другими — это нехорошо, да, папа?

Он постукивает согнутым пальцем по подбородку в знак напряженного размышления.

— Общительность — дело, конечно, хорошее, но у меня впечатление, что желание находиться среди людей подтолкнуло тебя к несколько несоразмерному поступку.

Николь О'Коннор пожимает плечами, огорченная тем, что ей так трудно добиться понимания.

— По-твоему, папа, у меня агорафобия?

— Нет, агорафобия — это страх открытого пространства. Со временем смысл этого понятия забылся. Для твоей проблемы есть другой термин — аутофобия.

— Это еще что такое?

— Аллергия на одиночество. Само слово происходит от греческих корней «ауто», что значит «сам», и «фобия», страх.

— Аутофобия? А что, это словечко мне нравится. Я с ним согласна. Это болезнь? Она лечится?

— Возможно. Но вряд ли лекарствами от нее служат наказания и внушение чувства вины.

Отец долго смотрит на Николь, а потом громко хохочет.

— Прочь сомнения, ты же моя родная дочь! — он крепко ее обнимает. — Я точь-в-точь как ты, Никки, мне тоже хочется находиться среди людей, мне подавай постоянное движение вокруг, я тоже не люблю оставаться один. Хочу кое в чем тебе признаться: всем, чего я до сих пор добился,

я обязан своему желанию верить в силу коллектива и презрению к индивидуализму.

Николь в полном восторге. В своем белом платье с кружевами она выглядит малюткой по сравнению с гигантом-отцом — толстошеим, пузатым, с двойным подбородком.

Руперту жарко, он утирает платком потный лоб. Налив дочери лимонаду, он принимается раскачиваться в кресле-качалке.

— Лучше делать ставку на количество людей, работающих вместе, а не на достоинства отдельных индивидуумов.

Он достает из коробки из слоновой кости с перламутровой инкрустацией сигару, нюхает ее, вертит толстыми пальцами. На крышке коробки надпись *Cigares Romeo y Julieta. La Havane*. Николь обращает внимание на этикетку с ценой: 217 долларов/штука.

Он подносит люксовую сигару к мини-гильотине, обрезает кончик и закуривает при помощи крохотного огнемета.

— У тебя добротные корни, Никки. Жаль, что мы редко видимся. Но теперь, когда тебя отчислили из школы, ты сможешь жить здесь и учиться удаленно. Так мы сможем лучше друг друга узнать.

Он выпускает облачко синеватого дыма.

— Из чего-то, выглядящего совсем неважно, может проклюнуться что-то хорошее. Так или иначе, мне жаль, что я мало тобой занимался. После смерти твоей матери мы с тобой отдалились друг от друга, теперь я намерен наверстать упущенное. Предлагаю тебе остаться здесь, будешь готовиться заменить меня на ранчо и заодно продолжишь учебу.

Николь пьет маленькими глотками лимонад. Издали до нее доносится собачий лай, потом слышится блеяние. На

ранчо возвращается одна из овечьих отар, ее гонит конный пастух. Он важно восседает в седле, одетый на манер ковбоев американского Дальнего Запада, единственная разница — сухая кожа австралийской змеи в виде тесемки на его шляпе. Рядом с пастухом бежит собака. Николь узнает ее, это бордер-колли Мао, подаренный ей на четвертый день рождения.

Мой Мао переквалифицировался в сторожа овечьих отар.

По свистку пастуха умный пес собирает овец в плотное стадо, замирающее перед воротами просторного загона с электрической оградой.

— Полюбуйся на этих овечек! — обращается к Николь отец. — Вот твои лучшие учителя! Все вместе они обладают коллективным интеллектом, превышающим простую сумму умственных способностей отдельных особей. Их сила коренится в группе. Для этого явления есть название — «эгрегор». Слово происходит от латинского *egregius*, от этого термина в языке французов произошло обозначение стадного инстинкта, *instinct grégaire*. Эгрегор делает овец сильнее. Как группа они умеют решать любые проблемы, ничего и никого не боятся. Вместе они сильнее всех, это то, что зовется «непобедимой толпой».

Шерстяные спины овец отражают лучи пурпурного предзакатного солнца.

— Как я погляжу, этим стадом управляют человек и собака, — возражает Николь между двумя глотками лимонада. — Без них оно бы не знало, куда идти.

Отец наклоняется вперед и подмигивает дочери.

— Видимость обманчива. Вдруг коллективный ум самого стада исподволь управляет человеком и собакой?

Руперт доволен тем, что поставил дочь в тупик.

— К тому же сила стада и в том, чтобы создавать у нас обманчивое впечатление.

Он опять громко хохочет.

— Какой им от этого толк? — интересуется Николь.

— Овцы пользуются нами, чтобы избавляться от избытков шерсти и не париться от жары. Поставь себя на их место: столько слоев волосяного покрова влекут сильный дискомфорт. Это как если бы тебе даже в сильный зной приходилось носить теплую куртку. А так их постоянно стригут, причем даром. Да еще регулярная кормежка и спокойный сон под крышей. Наконец, мы охраняем их от хищников.

Николь, похоже, сильно заинтересовалась оригинальной теорией «овечьего могущества», развиваемой ее отцом.

— Им предоставляются медицинские услуги, к которым у них никогда не было бы «естественного доступа». Эти овцы нащупали, можно сказать, идеальную формулу беззаботной жизни: приспособились, чтобы на них ишачили мы, люди.

Новый взрыв отцовского смеха.

— Никогда не размышляла об этом под таким углом, — признается девочка.

Он опять зажигает свою сигару и гордо продолжает:

— Словом, теперь ты знаешь овечий секрет. Они манипулируют нами, да так, что большинство из нас понятия об этом не имеет. А источник их силы — тот самый «коллективный разум».

4

— Ты соображаешь, что натворила?

В Нью-Йорке, в четырнадцати часовых поясах от ранчо ROC, начинается день юной Моники Макинтайр. С ней ее мать Джессика; вокруг них совершенно другая обстановка: подземелье, метро американского города-спрута.